

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
(Richard Bachman)
THE LONG WALK

Перевод с английского А. Георгиева
Серийное оформление А. Кудрявцева
Художник В. Лебедева
Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Долгая Прогулка : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. А. Георгиева]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-094070-7

Это была страшная игра — игра на выживание. Это была Долгая Прогулка. Прогулка со Смертью, ибо смерть ожидала каждого упавшего. Дорога к счастью — потому что победивший в игре получал все.

На долгую прогулку вышли многие — но закончит ее только один. Остальные лягут мертвыми на дороге — потому что дорога к счастью для одного станет последней дорогой для многих.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094070-7

© Stephen King, 1979
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Эта книга посвящается
Джиму Бишопу, Бертю Хэтлену
и Теду Холмсу*

Для меня не было во Вселенной ни Жизни, ни Цели, ни Воли, ни даже Враждебности; вся она была одной огромной, мертвой, безмерной Паровой Машиной, что с мертвым безразличием катится вперед, чтобы уничтожить меня. О бескрайняя, печальная, пустынная Голгофа, о Мельница Смерти! Почему послан туда Живой, наделенный сознанием, в полном одиночестве? Почему — ведь Дьявола нет? Его нет, если только Дьявол не есть твой Бог.

Томас Карлайл

Я советовал бы всем американцам ходить пешком как можно чаще. Ходьба не только полезна для здоровья; она — удовольствие.

Джон Ф. Кеннеди (1962)

*Не работает насос —
Управляли им вандалы.*

Боб Дилан

Часть первая НА СТАРТ

Глава 1

*Скажи тайное слово и выиграй
сотню долларов.*

Джордж?.. Ты здесь, Джордж?

*Джордж, кто выходит на старт
первым?*

Граучо Маркс
«Жизнь на карту»

В то утро на охраняемую автостоянку подъехал старенький синий «форд», похожий на маленькую измученную собачку, которой пришлось очень долго бежать. Один из охранников, скучающий молодой человек в форме цвета хаки, подпоясанный солдатским ремнем, спросил удостоверение личности — синюю пластиковую карточку. Сидевший на заднем сиденье юноша протянул ее матери, а та передала карточку охраннику. Охранник вставил ее в прорезь электронной машины, смотревшейся дико и неуместно посреди сельского однообразия. На мониторе машины высветились строчки:

ГАРРАТИ РЕЙМОНД ДЕЙВИС
ШОССЕ 1 ПАУНАЛ ШТАТ МЭН
ОКРУГ АНДРОСКОГГИН
№ УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89
ОК-ОК-ОК

Охранник нажал на кнопку, и буквы исчезли, зеленватый экран монитора вновь стал ровным и пустым. Взмахом руки охранник предложил «форду» въехать на стоянку.

— Что, они не отдают карточку? — спросила миссис Гаррати. — Разве они не...

— Нет, мама, — терпеливо отозвался Гаррати.

— Как хочешь, мне это не нравится, — заметила миссис Гаррати, выруливая на свободное место. Эту фразу она постоянно повторяла начиная с двух часов ночи, когда они с сыном отправились в путь. Собственно, она не говорила, а стонала.

— Не волнуйся, — пробормотал он, не слыша собственного голоса. Ему нужно было как следует оглядеться, а кроме того, его переполняло ожидание, смешанное со страхом. Он выскочил из машины едва ли не раньше, чем стих последний астматический вздох двигателя. Высокий, хорошо сложенный парень в выгоревшей армейской куртке.

Весна. Утренний холодок. Восемь часов.

Мать — тоже высокая, но чересчур худая. Грудь, можно сказать, отсутствует; легкий намек на выпуклость. Глаза бегают, взгляд неуверенный, растерянный. Лицо очень больной женщины. Стального оттенка волосы растрепались, несмотря на сложную систему заколок. Одежда висит на ней мешком, как будто она недавно сильно похудела.

— Рей, — прошептала она заговорщицки; этот тон он с некоторых пор ненавидел. — Рей, послушай...

Он кивнул и сделал вид, что поправляет складки на куртке. Один из охранников ел кукурузные хлопья из жестяной банки и просматривал книжку комиксов. Гаррати смотрел на него и его книжку и в ты-

сячный раз повторял про себя: «Все это действительно случилось». И впервые эта мысль показалась ему не слишком тяжелой.

— Еще не поздно передумать...

Страх ожидания мгновенно вернулся к нему.

— Нет, уже поздно, — возразил он. — Вчера был последний день.

Все тот же ненавистный конспираторский шепот:

— Они поймут, я знаю. Главный...

— Главный... — начал Гаррати и вдруг умолк, увидев, как содрогнулась мать. — Мама, ты знаешь, как поступит Главный.

Еще одна машина остановилась у ворот и въехала на стоянку после положенного мини-ритуала. Из нее выбрался темноволосый молодой парень, за ним — его родители. Все трое постояли около машины, о чем-то совещаясь, как бейсболисты, чья команда оказалась в трудном положении. На спине у темноволосого был легкий рюкзак, популярный среди юношей его возраста. Гаррати подумал, что, возможно, совершил глупость, не взяв с собой рюкзак.

— Так ты не передумаешь?

Чувство вины; чувство вины, скрытое под личной волнения. Хотя Рею Гаррати исполнилось всего шестнадцать лет, он представлял себе, что такое чувство вины. Миссис Гаррати чувствовала, что она слишком устала, слишком измучена, может быть, слишком поглощена старым горем, чтобы погасить порыв сына в зародыше, погасить прежде, чем вспыхнули экраны компьютеров, явились солдаты в форме цвета хаки и бесчувственная машина государственного подавления начала привязывать к себе ее сына все больше и больше с каждым днем. Вчера же

дверь, отгородившая его от мира, с лязгом захлопнулась окончательно.

Он тронул ее за плечо:

— Мама, это моя инициатива. Не твоя, я знаю. Я... — Он осмотрелся. Ни один человек вокруг не обращал на них ни малейшего внимания. — Я люблю тебя, но в любом случае это лучший выход.

— Неправда, — возразила она, едва сдерживая слезы. — Это не лучший выход, Рей, и если бы твой отец был здесь, то он бы остановил...

— Но его с нами нет. — Он говорил намеренно жестко, надеясь не дать ей расплакаться... Что, если придется оттащить ее силой? Эта мысль отрезвила его, и он добавил уже более мягко: — Теперь пойдем, мама. Идем? — Он заставил себя улыбнуться и ответил за нее сам: — Идем.

У нее дрожал подбородок, но она кивнула. Она не согласна, но уже поздно. Делать нечего.

Ветки сосен шелестят на ветру. Над головой — чистое голубое небо. А впереди дорога, и на ней — каменный столб, означающий границу между Штатами и Канадой. Внезапно его страх отступил перед ожиданием будущего, и он ощутил желание двигаться вперед.

— Вот, я приготовила. Ты возьмешь? Оно ведь не очень тяжелое. — Мать протянула ему завернутый в фольгу пакет печенья.

— Да-да. — Он взял печенье и неловко обнял ее, рассчитывая дать ей то, в чем она нуждалась. Поцеловал в щеку. Кожа у нее как задубевший шелк. Он сам сейчас мог бы расплакаться. Но ему представилось улыбающееся усатое лицо Главного, и он отступил на шаг, засунув сверток с печеньем в карман куртки. — До свидания, мама.

— До свидания. Будь умницей.

Она вдруг показалась ему почему-то очень легкой, как будто ее, как парашютик одуванчика, занесло сюда утренним ветром. Потом она села в машину и включила зажигание. Гаррати стоял и смотрел на нее. Она помахала ему рукой. По ее щекам теперь действительно текли слезы. Он видел это. И помахал в ответ. Она отъехала, а он стоял неподвижно, думая о том, каким красивым, храбрым и стойким, наверное, выглядит. Но вот машина выехала со стоянки, и на него накатило ощущение одиночества. Теперь он был всего лишь шестнадцатилетним мальчиком, всеми покинутым в незнакомом месте.

Он снова взглянул на дорогу. Там стоял темноволосяй парнишка и смотрел, как отъезжают со стоянки его родные. На одной щеке у него красовался большой шрам. Гаррати подошел к нему и сказал:

— Привет.

Темноволосяй окинул его взглядом и ответил:

— Здорово.

— Меня зовут Рей Гаррати, — сказал Гаррати и слегка смутился.

— Питер Макврайс.

— Уже готов? — спросил Гаррати.

Макврайс пожал плечами:

— Рвусь в бой. Это хуже всего.

Гаррати кивнул.

Они вдвоем дошли до дороги, до пересекающей ее каменной черты. Они слышали, как за их спинами отъезжают другие машины. Вскрикнула какая-то женщина. Гаррати и Макврайс бессознательно придвинулись друг к другу. Ни тот ни другой не оглядывались. Перед ними лежала широкая черная дорога.

— К полудню асфальт раскалится, — заметил Макврайс. — Лично я буду держаться поближе к обочине.

Гаррати кивнул. Макврайс задумчиво посмотрел на него:

— Какой у тебя вес?

— Сто шестьдесят.

— У меня сто шестьдесят семь. Говорят, быстрее устает тот, кто тяжелее, хотя я, по-моему, в неплохой форме.

Гаррати показалось, что Макврайс не просто в неплохой форме — он поразительно натренирован. Гаррати уже хотел спросить, кто это говорит, будто большой вес способствует быстрой усталости, но передумал. С Прогулкой связано множество апокрифов, суеверий, мифов.

Рядом в тени сидели еще двое мальчиков. Макврайс присел рядом с ними, а через секунду около него опустился и Гаррати. Макврайс как будто совершенно не замечал его. Гаррати взглянул на часы. Пять минут девятого. Впереди пятьдесят пять минут. Вернулось чувство нетерпеливого предвкушения; Гаррати попытался подавить его, говоря себе, что нужно просто посидеть, пока есть возможность.

Все ребята сидели — группами и поодиночке. Один забрался на нижнюю ветку сосны, нависшую над дорогой, и жевал сэндвич с чем-то вроде мармелада. Костлявый блондин в темно-красных штанах и старой, протертой на локтях зеленой кофте на «молнии». Под кофтой на нем была синяя, прошитая серебристыми нитями льняная рубашка. Гаррати спросил себя — долго выдержат тощие или быстро сгорят.

Двое парней, к которым подсади они с Макврайсом, разговаривали друг с другом.

— Я не буду торопиться, — сказал один. — Чего ради? Если и получу предупреждение, так что с того? Подтвердил, что понял, и все. Подтверждение — вот главное слово. Вспомни, где ты об этом впервые услышал?

Он осмотрелся по сторонам и заметил Гаррати и Макврайса.

— А, вот и еще ягнята на бойню явились. Меня зовут Хэнк Олсон. Для меня Прогулка — игра, — добавил он без тени улыбки.

Гаррати назвал себя. Макврайс, все еще глядя на дорогу, также рассеянно представился.

— Меня зовут Арт Бейкер, — произнес второй парень. В его речи чувствовался легкий южный акцент.

Все четверо обменялись рукопожатиями.

Помолчав, Макврайс сказал:

— Страшновато, да?

Двое кивнули, а Хэнк Олсон пожал плечами и усмехнулся. Гаррати увидел, как мальчишка на ссене доел сэндвич, скомкал лист промасленной бумаги, в которую был завернут его завтрак, и швырнул его через плечо. Этот быстро сгорит, подумал Гаррати. От этой мысли ему стало чуточку легче.

— Видите пятно возле той черты? — неожиданно спросил Олсон.

Все посмотрели в ту сторону. Тени слегка плясали на дороге благодаря утреннему ветру. Гаррати не мог понять, видит он что-нибудь или нет.

— Оно осталось от Долгой Прогулки позапрошлого года, — с довольной улыбкой сказал Олсон. —

Пацан настолько перепугался, что просто-таки окоченел на месте в девять часов.

Все молча подумали об ужасе, сковавшем того пацана.

— Ну, не мог двигаться. Получил три предупреждения, и в девять ноль две утра ему выдали билет — прямо тут, у линии старта.

Гаррати подумал: не окоченеют ли ноги у него самого. Скорее — нет, но ничего нельзя сказать наверняка, пока не придет время. Ужасная мысль. Интересно, зачем Хэнку Олсону понадобилось заговаривать о таких страшных вещах?

Вдруг Арт Бейкер выпрямился:

— Он едет.

Возле каменной черты остановился серовато-коричневый джип. За ним на значительно более медленной скорости следовал необычного вида полугрузовой автомобиль, оснащенный спереди и сзади маленькими, словно игрушечными, тарелками радарных установок. На крыше кузова расположились двое солдат с крупнокалиберными армейскими карабинами. При виде их Гаррати ощутил холодок в животе.

Кое-кто из собравшихся вскочил на ноги при виде новоприбывших, но Гаррати остался сидеть. Так же поступили Олсон и Бейкер, а Макврайс, по-видимому, вновь погрузился в свои мысли, едва взглянув на приближающиеся машины. Костлявый парень, сидящий на ветке сосны, лениво болтал ногами.

Из джипа вышел сам Главный, высокий, загорелый мужчина. Его простой костюм защитного цвета хорошо гармонировал с выдубленной на солнце кожей. Он был перепоясан армейским ремнем, за ко-

торым торчал пистолет, а глаза прятались за зеркальными очками. Поговаривали, что глаза Главного болезненно чувствительны к свету и он никогда не появляется на людях без темных очков.

— Ребята, садитесь, — сказал он. — Помните Совет Тринадцатый.

Совет Тринадцатый гласил: «Берегите энергию при любой возможности».

Все снова сели. Гаррати опять посмотрел на часы. Восемь шестнадцать. Вероятно, часы спешат на минуту. Главный никогда не опаздывает. Гаррати подумал, что надо бы перевести часы, но тут же забыл об этом намерении.

— Я не собираюсь произносить речь, — сказал Главный, обводя всех взглядом пустых линз, скрывавших его глаза. — Хочу только поздравить находящегося среди вас победителя и выразить свое уважение проигравшим.

Он повернул голову к джипу. Наступила напряженная тишина. Гаррати вдохнул свежий весенний воздух. День будет теплый. Хорошая погода для ходьбы.

Главный снова повернулся к ним. В руках у него теперь была папка.

— Прошу вас сделать шаг вперед и получить номер, когда я назову ваше имя. После этого возвращайтесь на место и оставайтесь там, пока не придет время старта. Пожалуйста, будьте внимательны.

— Теперь мы в армии, — с ухмылкой пробормотал Олсон, но Гаррати не обратил на него внимания. Главным нельзя было не восхищаться. Отец Гаррати — еще до того, как его увели солдаты Взвода, — любил повторять, что Главный — это самое свирепое и опасное страшилище, какое мог породить род люд-